

Петрова Наталья

**Двадцать Пятая из
рода Белых ведьм**

Тайны коттеджного поселка

16+

Наталья Петрова

**Двадцать Пятая из рода
Белых ведьм. Тайны
коттеджного поселка**

«Автор»

2017

Петрова Н. В.

Двадцать Пятая из рода Белых ведьм. Тайны коттеджного поселка
/ Н. В. Петрова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-12291-8

Анастасии суждено родиться Двадцать Пятой в древнем роду Белых Ведьм. Женщины их рода не летают на метлах и не колдуют, они врачевательницы от Бога и помогают людям. Все мастерство предыдущих двадцати четырех поколений передалось Насте. Казалось бы, как повезло девочке. Но почему тогда беспокоятся ее прабабушка и бабушка? О чем гласит старое семейное предание? И что это за Зло, с которым надо сразиться Анастасии, чтобы спасти свою семью?..

ISBN 978-5-532-12291-8

© Петрова Н. В., 2017

© Автор, 2017

Наталья Петрова

Двадцать Пятая из рода Белых ведьм. Тайны коттеджного поселка

Анастасия родилась в необыкновенной семье. Их род насчитывал сотни поколений и уходил корнями в пятнадцатый год от Рождества Христова. А всему причиной были женщины их рода – белые ведьмы. Они занимались целительством: умели заговаривать раны, прогоняли болезни, отводили привороты и снимали порчу. Мастерство ими тщательно оберегалось и передавалось детям, но не всем подряд, а только от матери старшей дочери.

Женщина рожала первый раз в двадцать пять лет, и обязательно девочку. Никто ничего специально не подгадывал и сроки не высчитывал, это получалось само собой. Потом уже рождались сыновья и дочери, у кого-то много, у кого-то мало, но первой обязательно была девочка. И как только самая младшая в роду появлялась на свет, самая старшая, уже столетняя, благословив новорожденную и дав дочке и внукам наставления по воспитанию, спустя время умирала. На какой-то срок живых поколений женщин становилось пять, потом снова четыре. И так продолжалось веками.

Но такой круговорот жизни не мог длиться бесконечно. Как гласила семейное предание, каждые шестьсот лет в роду рождалась Двадцать Пятая, на ней женский род прерывался. У Двадцать Пятой рождалась не девочка, а мальчик. Возродить женскую ветвь заново должна была уже его старшая дочка, внучка Двадцать Пятой.

А еще предание гласило, что за право продолжить род Двадцать Пятой предстояло сразиться со Злом и победить его, иначе Зло могло погубить ее детей и внуков. Только в случае победы род мог существовать дальше.

Так случилось, что именно Анастасии и суждено было родиться Двадцать Пятой.

Весной тысяча девятьсот шестьдесят пятого года незадолго до рождения необыкновенной девочки ее столетняя прапрабабушка строго-настрого наказала своим родным привезти малышку к ней. Те так и сделали. Договорились с соседом-шофером, залили в его и свою машины побольше бензина, и всей семьей отправились к столетней прапрабабке в далекую деревню.

Та заранее вышла на крыльцо, чтобы встретить самую младшую в роду – свою праправнучку, и сейчас стояла, опираясь на клюку, и подслеповато шурилась на дорогу.

Когда машины подъехали, старая женщина махнула рукой своей семидесятипятилетней дочери, мол, занеси девочку в дом.

– Бабушки, подождите, ее покормить надо, – заупрямилась молодая мать, – она проголодалась, сейчас плакать начнет.

Девочка и, правда, начала тихонько попискивать.

Но столетняя прапрабабка уже повернулась ко всем спиной и скрылась в доме, ее дочка с малышкой, завернутой в розовое одеяльце, направилась следом. Спорить со старшими женщинами семьи никто не осмелился.

В доме они прошли в самую дальнюю комнату, положили ребенка на кровать и распахнули полы одеяльца. Малышка сразу же перестала хныкать и уставилась на обеих бабок огромными ярко голубыми глазами. При виде очаровательного ребенка суровые черты лица столетней прапрабабки разгладились, и она заулыбалась.

– Кровиночка наша родненькая, – прошептала она, с нежностью любуясь праправнучкой, и слегка повернула голову к дочке, – как назвали?

– Анастасия, – ответила та.

– Красивое имя... и правильное... означает «воскресшая» или «возвращение к жизни». Бог даст, не позволит нашему роду сгинуть, – прапрабабка перекрестилась.

– Мам, ошибки быть не может? Это точно она?

– Точно, – горько вздохнула старуха и кивнула в сторону разложенных на столе старинных раскрытых книг с рукописными текстами, – мы с Митрофаном и Евдокией несколько раз проверили. Да, мои помощники?

И тот час же на льняной скатерти рядом с книгами появились две маленькие фигурки домовых, ростом не более пятнадцати сантиметров. Он – сухой, поджарый, с густой пшеничной бородой и усами, в чистой голубой рубаше и полосатых штанах. Она – пышнотелая, с широкой косой вокруг головы, в белой блузке и зеленом сарафане. Оба в крохотных лаптях.

– Здравствуй, Митрофан Демьянович, здравствуй, Евдокия Куприяновна, – поклонилась домовым гостям, те отвесили низкий поклон в ответ.

– Ошибки быть не может, – между тем продолжала говорить столетняя женщина, – мы все книги пересмотрели и перечитали, и всех наших посчитали, начиная с 1365 года... шестьсот лет прошло, как заново род возродился. Она это, Двадцать Пятая... из нашего рода белых ведьм.

– Мам, а что ей сделать-то надо? – тихо прошептала дочь.

– Да кто ж его знает? – сокрушенно ответила та, – в книгах ничего про это нет. Так, краткие упоминания о том, что Двадцать Пятая должна победить какое-то зло. А что это за зло, откуда оно возьмется, и как с ним сражаться, никто не знает. Может, когда-то и было что-то в книгах, да не сохранилось. Что наша Пятнадцатая записала, еще можно разобрать, а до этого... вон, труха одна осталась, – с сожалением кивнула она на горку полуистлевших и потемневших от времени крохотных обрывков рукописей, – Митрофан с Евдокией тоже ничего не знают... молодые еще, им всего по двести лет. Ох-ох-ох, надо было нашим прапрапрабабкам получше своих матерей расспрашивать, в чем секрет. Дааа, глуп человек! Все нам кажется, что беда далеко, а она – вот, уже совсем рядом.

И обе бабки, склонившись над столом, горестно вздохнули.

Домовые же, наоборот, потеряв к книгам интерес, уже перебрались на кровать, чтобы лучше разглядеть новорожденную.

– Ну, здравствуй, будущая хозяйка, – Митрофан Демьянович слегка коснулся рукой детских пальчиков и смешно причмокнул губами.

Девочка повернула к домовому головку. Несколько секунд серьезно смотрела на него, а потом задергала ручками и ножками и радостно заулыбалась беззубым ротиком.

– Ты посмотри! – удивились бабки, – такая маленькая, а уже может видеть домовых!

Наступил вечер. Мужчины ушли в баньку, женщины собрались в спальне Столетней.

– Ну, а теперь, девочки мои, слушайте меня внимательно, – тихо произнесла та, когда все расселись вокруг нее.

Ее дочка семидесяти пяти лет, пятидесятилетняя внучка и двадцатипятилетняя правнучка выпрямились и приготовились слушать. Крохотная Анастасия засыпала на прапрабабкиной кровати под колыбельную, которую тихонько напевали ей домовые Митрофан и Евдокия.

– Сегодня я собрала всех вместе вот почему. Если верить легенде, то иногда наш род прерывается. Это происходит, когда у двадцать пятой рождается не дочка, а сын. Заново возродить род должна уже его дочь. Но за право продолжить семейную ветвь двадцать пятая должна сразиться со злом и победить его. Иначе зло погубит ее сына и его детей, и наш род сгинет. Вроде бы в наших предыдущих ветвях уже были Двадцать Пятые... ничего не утверждаю. Просто передаю вам слово в слово все то, что слышала от своей матери. Наша нынешняя ветвь возро-

дидась в тысяча триста шестьдесят пятом году. Прошло шестьсот лет, за это время родилось двадцать четыре поколения... точнее, уже двадцать пять...

Прапрабабка замолчала, женщины сидели, застыв, словно каменные изваяния.

– ...если верить преданиям, наша Анастасия и есть Двадцать Пятая. В тысяча девятьсот девяностом году она должна родить мальчика, а он в две тысячи пятнадцатом станет отцом девочки. От его дочери пойдет новая ветвь. Но это если наша малышка одержит победу. А вот над кем и как, не знаю. Как мы не берегли наши книги, ранние записи в них не сохранились. Только те, что были сделаны после семнадцатого века, – кивнула она на истлевшие рукописи и вздохнула.

– ...с Евдокией и Митрофаном мы перечитали все сохранившиеся листы. На них в основном рецепты настоек и мазей, и советы, когда и как лучше собирать растения, и для каких лекарств их использовать...

– А колдовские секреты там есть? – перебила прабабку мать Анастасии, двадцатипятилетняя Светлана, и с любопытством потянулась к раскрытым книгам.

Прабабка посмотрела на нее с жалостью, – глупая ты. Ну, какие колдовские секреты могут быть в нашей семье? Мы никогда не летали на метлах и не превращали непослушных детей в пауков. Мы, белые ведуньи, испокон веков лечили. Особенно в этом преуспели наши бабки и прабабки, жившие в глубокой древности, когда медицины еще не было. Кто-то собирал лечебные травы и корни и делал из них мази и отвары. Кто-то придумал использовать пиявок для кровопускания. Одна наша прародительница приспособила для лечения больной спины пчелиный яд. Одни лечили людей, другие животных. Все это они записывали и передавали следующим поколениям, которые, в свою очередь, совершенствовали рецепты и записывали новые, более эффективные. Вот в чем наша сила. Именно поэтому в нашем роду так много врачей.

Женщины закивали.

– Для простых людей мы, конечно, колдуньи. Мы можем снимать сглаз и порчу, отводить привороты. Руками залечиваем ожоги, раны и даже несложные переломы. Нам под силу заглядывать в прошлое и будущее, этим мы пользуемся, чтобы предотвратить беду, которая грозит человеку. Еще мы видим домовых. А вообще мы обыкновенные, такие же, как и все.

Женщины заулыбались.

– Всевышний многие века подряд дарует нам нашу силу именно потому, что мы не грешим. Мы только лечим. Так что про всякие колдовские штучки забудь, – столетняя сурово посмотрела на правнучку, та смиренно опустила голову, – и вообще разговор сейчас не об этом...

Все снова замерли.

– Среди книг и рукописей есть отдельный листок... не бумаги, а холста. Запись на нем сделана на старорусском языке. В целом холст неплохо сохранился, потому что покрыт чем-то вроде сосновой смолы. Моя мать строго велела мне его беречь. На холсте упоминание о некой шкатулке. Эта шкатулка принадлежит нашей семье, передается от матери старшей дочери. Наша задача – всегда держать ее при себе, охранять и ни в коем случае не открывать.

– Что за шкатулка? Что в ней? Почему ее нельзя открывать? – посыпались вопросы, младшие женщины удивленно переглядывались, до сегодняшнего вечера для них это было тайной.

– Моя мать ничего не рассказала мне, потому что сама ничего не знала. Она только сказала, что шкатулка не должна попасть в чужие руки, никто не должен ее найти. Шкатулку надо хорошо спрятать. И не открывать! – прапрабабка снова сделала ударение на последних словах.

– А где она сейчас? – с придыханием спросила молодая Светлана.

– В надежном месте. Мы зарыли ее в лесу, – после паузы произнесла Столетняя и посмотрела на свою дочь, та молча кивнула.

– Что в ней может быть? – женщины не сводили со старшей глаз.

– Не знаю! Но думаю то, что никто не должен видеть! – твердо ответила та. – Для этого вас и позвала. Поклянитесь, что никогда не заглянете внутрь. На иконе клянитесь! – она взяла в руки потемневший от времени лик Богородицы, написанный на липовой доске.

Женщины по очереди произнесли клятвы и молитвы и приложились к образу.

– Вот и славно, – облегченно вздохнула Столетняя, посмотрела на кровать и ласково улыбнулась, – заснула уже наша младшенькая. Берегите ее, девочки. Идите, уложите ее, – кивнула она Свете и ее матери, а своей дочери сказала, – помоги мне прилечь, устала я... и посиди со мной.

Уже лежа в постели, Столетняя глубоко вздохнула, – слушай, что скажу. Я недавно заглядывала в будущее, и вот что увидела. Через десять лет твоему зятю предложат хорошую дачу недалеко от Москвы. Не раздумывайте, соглашайтесь сразу и перебирайтесь со своим дедом туда. Будете ближе к молодым, Светке поможете Настю вырастить. А этот дом продайте...

– Мам, да как можно-то? Здесь жили твои родители, потом вы с папой, шутка ли – полвека... на местном кладбище все похоронены, – расстроилась дочь.

– Не спорь! – перебила ее Столетняя, – кому он нужен, этот дом? Это пока здесь большая деревня, колхоз, жизнь кипит. А потом молодежь в города подастся, рано или поздно опустеют все дома, никого не останется, одни старики. Да и от цивилизации далековато. Глушь, одним словом. А деловые люди эту землю к рукам приберут, захотят организовать здесь хозяйство, будут давать за участок хорошие деньги ... продавайте, не жалейте. Иконы заberi и домовых не забудь, обязательно возьми их в новое жилье, они тебе всегда помогут.

При этих ее словах тихо сидящие домовые Митрофан и Евдокия закивали головами.

– Настю береги, всему ее научи... хотя она и так все знает, да получше нас. Завтра-послезавтра окрестим ее в старой церкви, там место доброе, намоленное и батюшка истинный православный. А после крестин я от вас уйду ... пора уж мне туда... да и муж мой покойный последнее время часто снится, к себе зовет, соскучился, говорит...

Дочь поправила платок у матери на голове, та узловатой старческой рукой схватила ее за пальцы и посмотрела в глаза.

– А самое главное – выкопай шкатулку и перепрячь ее. Но только так, чтобы вы с девочками легко могли ее найти, а другие нет. И будь осторожнее, не заноси ее в жилье. Помнишь, как в тысяча девятьсот пятнадцатом году после похорон твоей прабабушки мы перебрались в этот дом? Сначала переехали мы с мужем и родителями. Тебя с грудной дочкой перевезли позже. Так вот. Мы с матерью не сразу нашли тайник для шкатулки, поначалу спрятали ее в сених. Всего один вечер и одну ночь была она в доме. Но всё словно с ног на голову перевернулось. Мне было жутко так, как не было ни до, ни после... думаю, что все из-за нее...

Она тяжело вздохнула.

– ...помнишь, как мы с тобой во время войны за дровами в лес ходили? И сколько раз волки по нашим следам шли. Я их не боялась. И когда нашу деревню бомбили, тоже не боялась. А в ту ночь дрожала, заснуть не могла, мерещились всякие ужасы. И все мои домашние не спали. Мой муж, здоровый мужик, от страха зубами лязгал. Отец, промысловик-охотник, в молодости в тайгу на несколько месяцев в одиночку уходил, а той ночью хныкал, как младенец. И собака во дворе, как безумная выла. На следующее утро еще не рассвело, а мы с матерью эту шкатулку схватили, обмотали брезентом и прямиком в лес. Целый день подходящее место искали. Пока не спрятали ее надежно, о возвращении домой и не думали. И пока мы в лесу бродили, тишина стояла мертвая. Даже птицы перестали петь, и солнечный свет померк. А как зарыли, снова все на свои места вернулось.

Обе женщины перекрестились.

– Не знаю, что в ней лежит, – продолжила Столетняя, – наверное, что-то страшное, если открывать ее запрещено. Поэтому схорони ее надежно, а перед своей смертью девчонок всех вместе собери и еще раз про нее напomini! И строго настрого запрети к ней прикасаться!

Дочка кивала.

– И вот еще что. Время сейчас совсем другое, не то, что при моей и твоей молодости. После войны прошло уже двадцать лет. Растут города, строятся крупные заводы, наука на месте не стоит, человек вон в космос полетел. Все развивается: и промышленность, и сельское хозяйство, и культура. Найдите с девчонками каких-нибудь ученых, кто сможет перевести надпись на холсте. Может, в этом послании и кроется тайна. Глядишь, разгадаем ее и поможем нашей двадцать пятой девочке, нашей Анастасии.

Время шло, Настя росла. До десяти лет она была частой гостьей в старом доме своих прабабушки и прадеда. Дом был расположен в живописном месте на берегу реки, со всех сторон деревню обступали леса.

Старики души в правнучке не чаяли, все свое время посвящали ее воспитанию, особенно старалась прабабушка. Вдвоем они ходили по лесам и лугам и собирали разные снадобья. Это были корни, травы, грибы и ягоды.

Прабабушка водила Анастасию по непролазным чащам, учила ориентироваться в лесу по солнцу и стволам деревьев, показывала в густых ветвях птичьи гнезда. Еще охотно рассказывала девочке сказки и напевала песни, а вот для чего нужны те или иные растения, объясняла крайне редко. Анастасия особо и не спрашивала. К своему удивлению она часто ловила себя на мысли, что и сама все знает. Она сразу определяла, какой корень прабабушка выкопает, а какой оставит, какой стебелек сорвет, а на какой и не взглянет.

Если прабабушка что-то готовила на кухне, она никогда не просила правнучку помочь. Та тихонько сидела рядышком за массивным деревянным столом и, подперев щеки кулачками, с интересом наблюдала за неторопливыми движениями старой женщины.

Много лет спустя, когда прабабушки уже не было в живых, Анастасия заметила, что ее движения один в один похожи на прабабушкины. Она так же держала нож, так же чистила овощи и резала их в суп или в рагу одинаковыми ровненькими дольками или кубиками.

Прабабушка тоже внимательно наблюдала за правнучкой. Необыкновенные способности проявились у Насти очень рано. Однажды два маленьких котенка, надолго оставленные матерью кошкой без присмотра, выбрались с чердака на крышу сарая и упали вниз. Услышав жалобный писк, девочка бросилась на помощь. Прабабушка побежала следом за правнучкой и увидела, как та подскочила к котяткам, посмотрела на них, но в руки взяла только одного, хромого, ко второму даже не притронулась. Она бережно прижала к себе маленький пушистый комочек и присела на деревянную скамейку. Котенок поначалу еще пищал, а потом успокоился в руках девочки и притих, Настя гладила его по головке и массировала маленькую лапку.

– А второго почему не взяла? – тихо спросила ее прабабушка.

Второй котенок лежал на крыльце, нелепо вывернув набок головку, и плакал.

– Я не смогу его вылечить, – вздохнула девочка и посмотрела на прабабушку, – и ты не сможешь. Он, когда падал, ударился о раскрытую дверь сарая и сломал шею. Если его пошевелить, кость сместится, и он сразу умрет. А этот котенок только лапку вывернул, сейчас все пройдет.

Посмотрела прабабушка, и правда – у одного котенка перебит шейный позвонок, у второго просто легкий вывих.

На зов своих детей примчалась перепуганная кошка, засуетилась вокруг лежащего на крыльце малыша, жалобно замыкала, начала его облизывать, потом захотела поднять, потянула зубами за шкурку на шее. Котенок пронзительно вскрикнул от боли и затих, глазки закатились.

– Не плачь, – прабабушка погладила девочку по голове и кивнула на кошку, – отдай ей второго котенка, а этого мы с тобой в лесу похороним.

Настя опустила котенка на пол, тот со всех ног бросился к матери, больше он не хромал.

– А как ты его вылечила? – прабабушка присела рядом с девочкой.

– Не знаю, – пожала плечами та, – моим рукам вдруг стало очень горячо, и что-то в них появилось, как будто пирожок из печки, только я его не видела. И я этот горячий невидимый пирожок втерла котенку в лапу. И даже почувствовала, как она у него перестает болеть.

Спустя какое-то время Настин дед получил от работы большой комфортный дом в новом дачном поселке недалеко от города. Семья сразу же приняла решение продать старый дом в деревне, прадед и прабабушка согласились и скоро перебрались в новое жилье.

– Когда переезжаешь на другое место, надо обязательно позвать с собой домового, – учила прабабушка девочку.

– Знаю, бАшка, – кивнула девочка, – мне Митрофан и Евдокия рассказали, как надо перевозить домовых, они уже с твоей мамой переезжали.

– Когда это ты успела поговорить с домовыми? – удивилась женщина.

– А когда вместе вещи для переезда собирали, они помогали мне, я им.

– Какая ты смышлёная, однако, – прабабушка с уважением посмотрела на девочку.

Анастасия, будучи еще совсем маленькой, подружилась с домовыми. К тому времени тех уже стало четверо: у Митрофана с Евдокией родились двое детей. Росли и развивались домовята не как люди. Старший сын домовых, Степан, года через три после своего рождения превратился в двадцатилетнего парня. А их младшая дочка Алёнка за год стала десятилетней. Сначала она помогала Настиным родным нянчить малышку. А затем стала подружкой и самой Насте, когда та подросла. Вместе они играли в куклы, рисовали, учились читать, вместе придумывали и шили себе наряды принцесс, и вместе делились секретами – только Аленке доверяла Настя свои тайны про симпатию к мальчику из параллельного 3 «Б».

У прабабушки, бабушки и мамы девочки тоже были свои заботы, да поважнее, чем у Насти. Они пытались расшифровать древнюю надпись. Для этого было сделано множество цветных фотографий текста, как общим планом, так и его отдельных фрагментов. Женщины обивали пороги музеев и научных институтов и даже смогли записаться на прием к светилу науки – старенькому профессору филологии.

Как только тот увидел фотографии со старинным текстом, то сразу же вскочил из-за стола, выхватил их из рук женщин и с интересом уткнулся в снимки носом. Начал расспрашивать, откуда это. Не желая говорить правду, женщины озвучили заранее сочиненную историю про дальнюю родственницу, которая всем рассказывает про какой-то спрятанный семейный клад. Профессор сказал, что у него есть один знакомый ученый, специалист в области старорусского языка, он попросил женщин оставить ему снимки и прийти через две недели.

Когда прабабушка и бабушка Насти пришли к профессору снова, они застали у него в кабинете несколько мужчин разного возраста. В руках те держали пачки исписанных листов и громко спорили. Фотографии с текстом были разложены перед ними веером на огромном столе. Волнуясь, женщины присели на краешки стульев.

Перед тем, как начать, профессор поздоровался и прокашлялся.

– Видите ли... – начал он, – я и мои коллеги впервые столкнулись с таким текстом. На сказку или былинку это не похоже, для обыкновенного письма слишком уж странное. Но, скорее всего, это и есть обыкновенное письмо. Кто-то из нас считает, что это послание предназначалось жившим по соседству, а кто-то полагает, что это предостережение, отправленное потомкам. Об этом говорит и толстый слой то ли воска, то ли древесной смолы, которым покрыт текст. Вы сами об этом рассказали, да и на фотографиях видно. Наверное, тот, кто это напи-

сал, хотел, чтобы его письмо сохранилось как можно лучше. А сейчас мы озвучим, что тут написано... Вячеслав Палыч... – профессор повернулся к одному из мужчин, – я попрошу вас продолжить.

Из-за стола поднялся мужчина, по возрасту намного моложе профессора, но такой же взъерошенный. Он поправил на переносице очки и уставился в свои потрепанные блокноты.

– К сожалению, не весь текст хорошо сохранился... – забубнил он себе под нос, – но кое-что разобрать можно... а вот насколько мы правильно поняли написанное... – он сделал паузу – ну да ладно... приступим.

Женщины подались вперед.

– Письмо написал протозанщик застени...

– Кто-кто? – прабабушка и бабушка удивленно уставились на ученого.

– Не перебивайте меня, – немного досадливо поморщился тот, – я буду зачитывать текст и сразу же его переводить. Протозанщик застени или пороси. В переводе это что-то типа стража какой-то тени или пыли. И это первое, о чем мы с моими коллегами поспорили. Правильно ли мы поняли, что человек охраняет какую-то тень? Или здесь подразумевается что-то другое?..

Другие мужчины сразу же закивали головами в знак согласия, женщины переглянулись и пожали плечами.

– Протозанщик дает кому-то наказ. Он пишет, что необходимо бдети и брезети пороси, это значит быть всегда начеку и беречь пыль, ибо она может вырнуться и утечи... значит вырваться и убежать. Если это случится, пыль принесет с собой лихое: котору... да, ссору и вражду... пострел... это значит чуму или другую болезнь... и даже навь... это смерть. Тень будет полошати и претити... значит пугать и угрожать унукам, значит внукам протозанщика, и может их истаяти, то есть погубить. Пыль надо сугнути, изымати... значит, догнать, поймать, и заразиться с нею, то есть сразиться... а вот тут совсем не разобрать, что написано... – ученый носом заводил по фотографии.

– Мы полагаем, что дальше речь идет о каком-то закрытом сундуке или ящике, – перебил своего молодого коллегу старый профессор, – тут так и написано омженный, значит закрытый...

– Ах, неужели это наша шкатулка, – потрясенно прошептала прабабушка.

– ... просто так поймать тень нельзя, только с помощью сустуга... – между тем продолжал профессор, – ... сустуг – это такая металлическая нагрудная пряжка или застежка на одежде... тут написано, что сустуг может уменьшить тень... затем посадить тень в ящик, ящик заковать юзами, значит цепями и оковами и завернуть в япончицу, так называется накидка или плащ... и схоронить в надежном месте... ну, собственно, и всё. Таким образом, можно сделать выводы, что в сундуке или шкатулке находится вовсе не клад, а что-то другое, что страж называет тенью или пылью. И открывать шкатулку ни в коем случае нельзя. Одним словом, ничего не понятно. Сплошная загадка.

Женщины молчали, переваривая услышанное, прабабушка продолжала шевелить губами.

– Мы хотели спросить у вас, – профессор посмотрел в их сторону, – ваша дальняя родственница что-нибудь еще рассказывала?

– Да мы сами толком ничего не знаем... троюродная сестра попросила нас помочь расшифровать старинное письмо, чтобы найти клад... нам и самим интересно стало... вот и решили к вам прийти... а шкатулку мы и не видели... они далеко живут, мы вообще редко встречаемся... да и не достанется нам ничего из их клада... там своей родни хватает, – торопливо забормотала бабушка, она встрепенулась, подхватила старую мать под руки и потянула ее к двери, – мама, пойдем, пойдем, нам пора уже. Спасибо вам большое. Спасибо...

Женщины пятились к двери, мужчины удивленно на них смотрели.

Вечером прабабушка, бабушка и мать Анастасии присели поговорить.

– ... хм, пыль, тень... что же это может быть? – недоумевала тридцатипятилетняя Светлана, – бабушка, мама, расскажите, как она хоть выглядит, эта шкатулка? Она большая, маленькая, тяжелая, легкая? Когда вы ее перевозили и закапывали в лесу, что вы чувствовали?

– Да вот такая... как наша домашняя аптечка, – мать Светланы показала руками примерный размер шкатулки, – обмотана куском брезента, но мы не стали ее разворачивать, побоялись. Нам было очень жутко, да, мам?

Прабабушка кивнула.

– ... зарыли, сама знаешь, где... место в лесу мы тебе показали, – закончила женщина.

– Неужели вы не можете заглянуть в прошлое, чтобы узнать тайну шкатулки и ее содержимого?

Женщины покачали головами.

– А в Настино будущее заглянуть можете? – не могла успокоиться та, – или карты раскинуть на ее судьбу?

– Мы же объясняли тебе, – вздохнула прабабушка, – для себя мы ничего не можем делать. Наши силы на нас самих не распространяются.

– Для чего тогда он нужен, этот дар? – Светлана эмоционально развела руки в стороны и затрясла головой, – если ничего не можешь сделать для себя и своей семьи.

– Для того, чтобы помогать совершенно чужим людям, – назидательно произнесла ее мать, – в этом и заключается испытание, посланное нам Богом. Человек, обладающий даром, должен обращать его на окружающих. Если же он от обиды, что ничего не может сделать для себя, не станет ничего делать для других, его волшебный дар пропадет.

– Все ясно, – вздохнула Светлана и, наморщив лоб, продолжала рассуждать, – что ж в ней спрятано? Пыль... тень... может, какой-нибудь яд? Ядовитый порошок? Мышьяк, например... или цианистый калий? А может споры чумы или язвы? Хм, подарочек из четырнадцатого века... Бр-р-р, чушь какая-то, – помотала она головой и посмотрела на своих, – мам, баб, а вам не кажется, что мы боимся того, чего нет.

Старшие женщины настороженно молчали.

– Я вот о чем думаю, – продолжила Света, – если верить легенде, то эта шкатулка пришла к нам из тысяча триста шестьдесят пятого года. Что тогда было? Полная антисанитария, никакой личной гигиены, ни мыла, ни зубной пасты. От этого умирало множество людей. Я уж не говорю про болезни. Древние люди не знали, что, чем и как лечить. Эпидемии уносили жизни сотен тысяч людей. Может быть, какая-нибудь из наших древних прапрабабок сумела остановить распространение заразы, а затем сожгла вещи больного человека и положила в шкатулку золу. Или насыпала горсть прокаленной на огне зараженной земли. Она посчитала, что тем самым запечатала болезнь, и той уже не вырваться. А нам дала наказ беречь шкатулку, потому что не знала, что в наше время ученые уже придумают вакцины и прививки от множества смертельных заболеваний.

Бабушка покачала головой, – нет, я так не думаю, речь идет о зле, которо...

– Ба, ну какое может быть зло в двадцатом веке? – перебила ее Светлана и усмехнулась, – если не считать советских зарплат и отсутствие товаров в магазинах. Посмотрите, на дворе семьдесят пятый год, а вы верите в сказки про какую-то пыль.

– Не смей так говорить, внучка! – строго прервала ее бабушка, – я хорошо помню свою мать, бабуку и прабабуку. Они не были выжившими из ума старухами. Думаю, что и все наши прочие прародительницы тоже. Они понимали, о чем говорят. К тому же все женщины в нашем роду непростые, ты об этом прекрасно знаешь.

– Ба, да разве я говорю, что они сумасшедшие? – Света пересела к бабушке ближе и обняла ее за плечи, – я говорю о том, что предостережение какого-то стража, жившего в далеком четырнадцатом веке, в наше время больше похоже на сказку. Если перевод правильный,

думаю, что наша далекая родственница спрятала в шкатулке что-то сыпучее: песок, землю или золу. Иначе, почему она называет содержимое пылью? А если перевод неправильный... даже и не знаю, что сказать. В конце концов, если вы боитесь содержимого шкатулки, давайте ее сожжем или утопим в реке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.